

Хмельницкимъ, а съ другой съ Москвою, долженствовавшей, по его мысли, сдѣлаться опорой и главою цѣлаго союза православныхъ народностей, которые, подъ верховнымъ руководствомъ московскаго царя, начнутъ потомъ рѣшительную борьбу съ турками въ видахъ своего освобожденія изъ подъ ихъ ига. Такимъ образомъ патріархъ Паисій увидѣлъ и призналъ въ московскомъ государствѣ ту политическую силу, которая съ теченіемъ времени должна была сдѣлаться орудіемъ для низверженія турецкаго господства и возстановленія свободы православныхъ народовъ и, конечно, главнымъ и первымъ дѣломъ грековъ. Именно для достиженія этой конечной цѣли Паисій и отважился на очень рискованную для его положенія и самой жизни роль: посредника-примирителя между Москвою, казаками и Молдо-Влахіей.

## IV.

## Сношенія патріарха Нектарія съ русскимъ правительствомъ.

Преемникомъ патріарха Паисія на Іерусалимской патріаршей кафедрѣ сдѣлался Нектарій, который былъ посвященъ въ патріархи 9 Апрѣля 1661 года въ Іерусалимѣ, гдѣ онъ и прожилъ первый годъ своего патріаршества и только въ 1662 году отправился въ Константинополь, откуда въ Сентябрѣ 1663 года прибылъ въ Яссы. Нектарій былъ человѣкъ очень болѣзненный, мало энергичный и предприимчивый, болѣе склонный къ спокойной и кабинетной дѣятельности — за время своего патріаршества онъ не вступалъ даже въ обычную для другихъ патріарховъ борьбу съ католиками и армянами. Изъ имѣющихся у насъ подъ руками документовъ не видно, чтобы Нектарій, сдѣлавшись патріархомъ, извѣщалъ о своемъ избраніи и постановленіи московское правительство особою грамотою, и чтобы онъ, подобно своимъ предшественникамъ, стремился войти въ близкія сношенія съ московскимъ правительствомъ, заботился пріобрѣсти его особое расположеніе въ видахъ полученія милостыни, и уже вовсе не помышлялъ о тѣхъ политическихъ затѣяхъ, которымъ такъ горячо былъ преданъ его предшественникъ Паисій. Но и при своемъ осторожномъ и сдержанномъ отношеніи

къ русскому правительству, Нектарій всетаки волей неволей долженъ былъ принять участіе въ тогдашнихъ смутныхъ русскихъ церковныхъ событіяхъ, именно: въ судѣ надъ патріархомъ Никономъ.

Въ Іюль 1658 года святѣйшій патріархъ Никонъ неожиданно оставилъ патріаршій престолъ и удалился въ построенный имъ Воскресенскій монастырь, не желая въ тоже время окончательно отказаться отъ патріаршества. Это послѣднее обстоятельство поставило правительство въ крайне затруднительное положеніе, такъ какъ выборъ новаго патріарха былъ невозможенъ, пока оставался нерѣшеннымъ вопросъ о Никонѣ. Въ 1660 году въ Москвѣ былъ собранъ соборъ, который долженъ былъ рассмотреть и порѣшить дѣло о Никонѣ. Соборъ сдѣлалъ такое постановленіе: „чужду быти Никону патріаршескаго престола и чести, вкупѣ и священства и ничѣмъ не обладать“. Послѣ такого категорическаго рѣшенія о Никонѣ, повидимому оставалось только приступить къ избранію и постановленію новаго патріарха. Но на такой шагъ не рѣшилось правительство, такъ какъ самъ Никонъ открыто и рѣшительно отрицалъ право подчиненныхъ ему епископовъ судить его—своего главу, признавая это право только за константинопольскимъ патріархомъ, и такъ какъ архимандритъ полоцкаго Борисоглѣбскаго монастыря Игнатій Іевлевичъ, а затѣмъ и извѣстный Епифаній Славинецкій, тоже высказались противъ права собора 1660-года судить Никона. Въ виду этихъ обстоятельствъ правительство принуждено было признать соборъ 1660 года неудавшимся и отказаться отъ исполненія состоявшагося на немъ опредѣленія относительно Никона, вслѣдствіе чего вопросъ о Никонѣ по прежнему остался открытымъ, по прежнему правительство не знало что ему дѣ-

лать съ бывшимъ патріархомъ. Тогда за рѣшеніе этого дѣла взялся извѣстный газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, прибывшій въ Москву 12 Февраля 1662 года по приглашенію бывшаго патріарха Никона, который думалъ найти въ немъ своего сторонника, а нашелъ самаго заклятаго врага.

Паисій Лигаридъ былъ человекъ образованный и даже ученый, человекъ ловкій, находчивый и при этомъ, какъ воспитанникъ іезуитовъ, нравственно очень гибкій и податливый греченинъ, способный приладиться ко всякой средѣ и обстановкѣ, умѣвшій сдѣлаться нужнымъ и необходимымъ для тѣхъ, которые были нужны ему самому, отъ кого онъ надѣялся получить какія либо для себя выгоды. Прибывъ въ Москву и осмотрѣвшись здѣсь, онъ сразу понялъ, что дѣло Никона окончательно проиграно, что дѣйствовать въ пользу Никона для него—Лигарида нѣтъ ни малѣйшей выгоды, и потому онъ сейчасъ же рѣшительно сталъ на сторону враговъ Никона, сдѣлался ихъ душою и руководителемъ, причемъ быстро сумѣлъ приобрести расположеніе и довѣріе самаго царя, уже нравственно измученнаго продолжительнымъ столкновеніемъ съ Никономъ, искавшаго опоры, успокоенія, оправданія своему поведенію относительно бывшаго „собоиннаго друга“. Лигариду, этому вкрадчивому и льстивому греченину, удалось такъ подѣйствовать на царя, что тотъ, по словамъ Никона, сталъ слушать Паисія какъ „пророка Божія“. По совѣту этого „пророка Божія“ рѣшено было пригласить восточныхъ патріарховъ, или лично прибыть въ Москву, или прислать сюда экзарховъ для суда надъ Никономъ. Въ этомъ смыслѣ 28 Декабря 1662 года и написаны были отъ имени государя пригласительныя грамоты ко всѣмъ четыремъ восточнымъ

патріархамъ, съ которыми и отправленъ былъ на востокъ единомышленникъ Лигарида, его соотечественникъ и другъ, проживавшій въ Москвѣ грекъ іеродіаконъ Мелетій. Прибывъ въ Константинополь Мелетій вручилъ царскую грамоту константинопольскому патріарху Діонисію, а также іерусалимскому Нектарію, который въ то время находился въ Константинополѣ Эти пригласительныя грамоты государя поставили обоихъ патріарховъ въ очень затруднительное положеніе. Дѣло въ томъ, что Мелетій, прибывъ въ Константинополь, неосторожно обнаружилъ здѣсь цѣль своего пріѣзда, т. е. отъ него узнали, что онъ пріѣхалъ добыть отъ патріарховъ осужденіе Никона, и что въ этомъ дѣлѣ главную роль играетъ Паисій Лигаридъ. Эти распространившіяся по Константинополю вѣсти произвели сильное волненіе между греками, такъ что нѣкоторые изъ нихъ не только публично поносили Лигарида и Мелетія, но и искали убить послѣдняго. Причины волненія грековъ и сильнаго ихъ негодованія на Лигарида и Мелетія понятны. Патріархъ Никонъ до крайности любилъ все греческое и самихъ грековъ, другаго подобнаго греколюбца не бывало на Руси, это прямо признавали сами греки и даже личные враги Никона, какъ напримѣръ, Паисій Лигаридъ. Вся извѣстная церковная дѣятельность Никона имѣла строго грекофильскій характеръ, совершалась по указаніямъ и при содѣйствіи грековъ; имъ онъ всячески покровительствовалъ, всюду выдвигалъ ихъ церковный авторитетъ на первый планъ, возвышалъ греческое даже въ явный ущербъ русскому, онъ строилъ свои монастыри по образцу греческихъ, приглашалъ въ Москву греческихъ учителей пѣнія, грековъ мастеровъ серебрянаго дѣла и т. под. Естественно, что каждый истый грекъ симпа-

тизировалъ Никону, такъ какъ видѣлъ въ немъ своего поборника и защитника, человѣка, который стоитъ въ Москвѣ на стражѣ греческихъ интересовъ. И вотъ о низверженіи и конечномъ осужденіи этого-то горячаго радѣтеля грековъ и всего греческаго, усиленно хлопочатъ теперь сами же греки, живущіе въ Москвѣ. Такъ они поступаютъ конечно только потому, что дали подкупить себя врагамъ Никона и конечно только съ помощію денегъ они думаютъ теперь добыть отъ патріарховъ осужденіе благодѣтеля грековъ Никона. Понятно отсюда почему горячо заволновались греки, узнавъ о цѣли пріѣзда Мелетія въ Константинополь, понятно также и то затруднительное положеніе восточныхъ патріарховъ, въ какое ихъ поставили царскія грамоты. Ёхать самимъ въ Москву или послать туда экзарховъ, чтобы осудить почитателя и благодѣтеля грековъ, чтобы стать на одну доску съ такими своекорыстными интриганамъ, какъ Лигаридъ и Мелетій, патріархи конечно нежелали, уважая свое достоинство и какъ патріарховъ и какъ грековъ. Но, съ другой стороны, они не могли рѣшительно отказать и домогательствамъ русскаго правительства, расположеніемъ котораго имѣли всѣ причины дорожить. Въ виду этого патріархи Діонисій константинопольскій и Нектарій іерусалимскій избрали средній путь. Подъ предлогомъ боязни турокъ они рѣшительно отказались ёхать въ Москву сами или послать туда своихъ экзарховъ, а въ замѣнъ послали въ Москву съ Мелетіемъ составленныя ими примѣнительно къ дѣлу Никона общія опредѣленія о власти царской и патріаршей, на основаніи и руководствуясь которыми соборъ русскихъ іерарховъ могъ бы самъ порѣшить съ дѣломъ Никона, безъ всякаго ближайшаго или непосредственнаго участія въ

этомъ восточныхъ патріарховъ. Въ этомъ смыслѣ патріархъ Нектарій и сдѣлалъ въ концѣ свитка о власти царской и патріаршей, подписаннаго всеми восточными патріархами, особую приписку лично отъ себя, въ которой говоритъ, что правильно собранный соборъ имѣетъ право судить всякаго епископа, митрополита и патріарха. Если же патріархъ будетъ противиться суду такого собора (что и было съ Никономъ) говоря: яко не судимъ и не управляемъ есмь епископами и митрополитами, зане превышаетъ ихъ саномъ; да познаетъ сицевъ мужъ, яко и митрополитъ судитъ и низлагаетъ патріарха, собирающъ и прочихъ архіереевъ, еликимъ мощно прибыти“. Приведа тому историческіе примѣры Нектарій заключаетъ: „сего ради всякая церковная персона отъ коеяждо церковныя персоны правама есть, съ настоящимъ слогомъ святыхъ правилъ“<sup>1</sup>.

Восточные патріархи, и въ частности іерусалимскій Нектарій, отославши въ Москву свитки о власти царской и патріаршей, думали, что теперь щекотливое дѣло Никона будетъ окончательно рѣшено соборомъ мѣстныхъ русскихъ іерарховъ. Но въ дѣйствительности этого не случилось. 23 Апрѣля 1664 года въ Москву прибылъ иконійскій митрополитъ Аѳанасій, какъ онъ заявилъ, „съ тайнымъ дѣломъ къ многолѣтнему царю“, отъ своего дяди константинопольскаго патріарха Діонисія. Будучи принятъ государемъ на другой же день по приѣздѣ своемъ въ Москву, Аѳанасій говорилъ государю, что посланный его константинопольскій патріархъ Діонисій „челомъ бьетъ твоему царскому величеству, чтобъ помирится со святѣйшимъ патріархомъ московскимъ господиномъ Никономъ: якоже Господь

<sup>1</sup> Собр. госуд. гр. и дог. т. IV, № 27, стр. 117; Гиббенета. Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона, т. II, стр. 661—578.

нашъ Иисусъ Христосъ пришелъ на землю и рекль святымъ апостоломъ: миръ вамъ; тако молитъ твоему царскому величеству вселенскій патріархъ Діонисій: что де намъ говорятъ турки и жида, яко имѣють на Москвѣ христіанскаго царя, а отженуль патріархъ; о томъ молитъ твоему царскому величеству, чтобы быти миру съ патріархомъ“. Но такъ какъ Аѳанасій не привезъ съ собою никакихъ грамотъ отъ патріарха, то государь „поусумнился“ въ его миссіи. Это сомнѣніе еще болѣе усилилось, когда въ маѣ мѣсяцѣ возвратился съ востока іеродиаконъ Мелетій, привезшій съ собою извѣстные отвѣты патріарховъ на вопросы о власти царской и патріаршей, осуждавшіе Никона. Аѳанасію были предъявлены патріаршіе отвѣты, прямо противорѣчившіе его заявленіямъ. Но, рассказываетъ Паисій Лигаридъ, „святель плевелъ и великій сопротивникъ истины побудилъ иконійскаго назвать подписи (патріарховъ на свиткахъ) подложными. Онъ подтверждалъ это тѣмъ, что самъ нарочно посланъ отъ вселенскаго патріарха и дяди своего по матери Діонисія ходатайствовать о вождедѣнномъ между царемъ и Никономъ мирѣ“. При ближайшемъ разсмотрѣніи присланныхъ свитковъ, Аѳанасій однако призналъ, что подпись константинопольскаго патріарха Діонисія дѣйствительно подлинная, но за то онъ рѣшительно отрицалъ подлинность подписей трехъ другихъ патріарховъ. Въ присутствіи царя и синклита между Аѳанасіемъ и Мелетіемъ произошли горячія и долгія пренія о подлинности привезенныхъ Мелетіемъ патріаршихъ свитковъ, неприведшія однако ни къ какому несомнѣнному заключенію. Какимъ образомъ Аѳанасій иконійскій могъ заподозрить подлинность привезенныхъ Мелетіемъ патріаршихъ свитковъ, несомнѣнно подписанныхъ патріархами, объясняется очень

просто. Аѳанасій иконійскій, еще будучи въ Константинополѣ, уже сильно интересовался тамъ дѣломъ Никона, вполне сочувствовалъ ему и нежелалъ его осужденія. Когда въ Константинополѣ сдѣлалась извѣстна цѣль пріѣзда іеродіакона Мелетія—добыть у патріарховъ осужденіе Никона, то Аѳанасій явился къ самому патріарху Діонисію и спрашивалъ его: далъ-ли онъ грамоты Мелетію, осуждающія Никона? Патріархъ Діонисій отвѣчалъ, что никакихъ грамотъ Мелетію онъ не давалъ. Діонисій отрицательно отвѣтилъ на вопросъ Аѳанасія въ видахъ сохранить тайну, но Аѳанасій принялъ его отвѣтъ за чистую монету и потому былъ увѣренъ, что патріархъ Діонисій грамотъ Мелетію, осуждающихъ Никона, не давалъ. Направившись изъ Константинополя въ Москву, Аѳанасій въ Яссахъ встрѣтилъ іерусалимскаго патріарха Нектарія, съ которымъ также имѣлъ разговоръ о патріаршихъ грамотахъ, которыя желалъ добыть Мелетій. Самъ Нектарій говорилъ потомъ о своемъ свиданіи съ Аѳанасіемъ слѣдующее: „а что-де иконійскій митрополитъ назвался экзархомъ и константинопольскому патріарху племянникомъ, и тѣмъ онъ великаго государя хотѣлъ оболгать; онъ де экзархомъ не посыланъ и константинопольскому не племянникъ. А про правила-де, чаеъ, онъ, митрополитъ, сказалъ для того: какъ іерусалимскій патріархъ пришелъ въ молдавскую землю въ Яси, и онъ-де, митрополитъ, приходилъ къ нему почасту и спрашивалъ: у Мелетія-де государевы грамоты и милостину константинопольскій патріархъ и онъ, іерусалимской, приняли-ль и отвѣтъ ему дали-ль, и руки свои подписали-ль? И онъ-де патріархъ ему сказалъ, что государевы грамоты и милостину у Мелетія приняли, а отвѣту ему никакого не дали и рукъ своихъ ни къ какому

письму не подписывали. А сказалъ-де ему для того, чтобъ не всякій про то вѣдалъ потому де, что у нихъ страшно, турокъ де того и смотритъ, какъ бы Божія церкви разорить и православныхъ христіанъ погубить“. Такимъ образомъ, Аѳанасій иконійскій, оказывается, и отъ іерусалимскаго патріарха Нектарія получилъ тоже увѣреніе, что и отъ константинопольскаго патріарха—будто они никакихъ грамотъ Мелетію не давали и ни къ какимъ письмамъ рукъ своихъ не прикладывали. Во время своихъ частыхъ посѣщеній Нектарія въ Яссахъ, Аѳанасій конечно не разъ бесѣдовалъ съ нимъ объ интересовавшемъ его дѣлѣ Никона и изъ этихъ бесѣдъ могъ вынести ту твердую увѣренность, что Нектарій не сочувствуетъ осужденію Никона, желаетъ его восстановления на патріаршей каѳедрѣ, что и константинопольскій патріархъ осуждаетъ происки враговъ Никона. Въ виду этого Аѳанасій имѣлъ, съ своей точки зрѣнія, полное основаніе заподозрить въ Москвѣ подлинность привезенныхъ Мелетіемъ патріаршихъ свитковъ и усиленно склонялъ царя къ примиренію съ Никономъ, чего, какъ онъ хорошо зналъ, желали константинопольскій патріархъ и, въ особенности, іерусалимскій, а также всѣ лучшіе и благонамѣренные греки. Скоро Московскому правительству пришлось убѣдиться, что по крайней мѣрѣ іерусалимскій патріархъ Нектарій, не смотря на свою подпись подъ патріаршими свитками, осуждающими Никона, въ дѣйствительности желаетъ возвращенія Никона на патріаршій престолъ<sup>1</sup>.

Въ Февралѣ 1664 года патріархъ Нектарій подписалъ патріаршіе свитки о власти царской и патріар-

<sup>1</sup> Греч. д. 7172 г. № 14; Сочиненіе Пансіа Лигарида о судѣ надъ патріархомъ Никомомъ, переводъ котораго находится въ рукописи библ. моск. дух. академіи. Гиббенета: т. II, стр. 706, 761—764, 802, 805.

шей, осуждающіе Никона, а отъ 20 Марта уже пишетъ государю по дѣлу Никона особую специальную грамоту, въ которой является сторонникомъ и доброжелателемъ Никона, ищетъ примирить его съ царемъ и снова возвратитъ на оставленную имъ патриаршую кафедру. „Достопочтеннѣйшую грамоту священной десницы вашей, пишетъ Нектарій, мы приняли отъ іеродіакона Мелетія съ благоговѣніемъ и достодолжною почестію, а вмѣстѣ и милостыню, которою вы почтили святыи и живопріемный Гробъ Господень. Въ сей грамотѣ мы не нашли причины удаленія святѣйшаго патриарха вашего киръ Никона, сослужителя и брата о Христѣ нашего смиренія, ни другой какой вины противъ него, кромѣ пятилѣтняго его отсутствія. Отъ іеродіакона же Мелетія мы многое слышали, который, какъ говоритъ, слышалъ сіе изъ устъ вашего величества, показывая намъ нѣкоторое писъмецо, данное ему вмѣсто памятника, заклинающее его Богомъ, дабы онъ сказалъ все, что знаетъ о киръ Никонѣ и его противникахъ. Что касается до тѣхъ противниковъ, то, по сказанію его, немногія и недостойныя вниманія приводятъ они причины противъ Никона; о Никонѣ же сказалъ нѣкоторыя важныя дѣла, почти неизвинительныя, кои всѣ суть нововведенія, которыя намъ кажутся не очень достовѣрными“. Сказавъ затѣмъ, что такъ какъ ни онъ самъ лично не можетъ прибыть въ Москву, ни послать туда своего экзарха, какъ желалъ царь того, то они и рѣшились съ константинопольскимъ патриархомъ „нѣкоторымъ инымъ образомъ поправить сіе дѣло“, т. е. послать извѣстные свитки о власти царской и патриаршей, такъ какъ „объявить рѣшительное мнѣніе по тѣмъ словомъ, кои говорилъ Мелетій, было бы несправедливо, тѣмъ паче, что и по церковнымъ правиламъ и по гражданскимъ за-

конамъ не дозволяется произнести приговора надъ патриархомъ по свидѣтельству одного и притомъ человѣка низшей степени“. Затѣмъ Нектарій пишетъ царю: „намъ кажется, что вы мирнымъ образомъ можете успокоить сіе дѣло, и снова однажды или дважды пригласить киръ Никона, чтобы онъ возвратился на свой престолъ, показавъ ему статьи положенія для точнаго соблюденія: и ежели онъ окажется сперва преступившимъ оныя, а потомъ раскается и дастъ обѣщаніе соблюдать, то достоинъ прощенія; ибо часто случалось весьма много такового и еще важнѣйшаго въ церкви, и все поправлено для мира и тишины. Итакъ просимъ мы священное ваше величество, чтобы вы не приклоняли слуха своего къ совѣтамъ мужей завистливыхъ, любящихъ мятежи и возмущенія, а наипаче-если таковыя будутъ изъ духовнаго сана. Свидѣтельствуюсь Богомъ, что насъ весьма огорчили случившіеся въ российской церкви соблазны.... Несогласіе и возмущеніе въ церкви страшнѣе всякой войны, ибо раздираетъ нешвенную одежду Христову, которую не раздѣлили и жестокосердые воины во время страданія Христова; раздрать же одежду Христову есть явный знакъ гибели душъ, за которыя Христосъ умеръ. Вы невѣдаете, что въ теперешнемъ положеніи, когда наша церковь находится подъ игомъ рабства, мы уподобляемся кораблямъ потопляемымъ безпрестанными бурями отъ разныхъ притѣсненій языческихъ, и одну вашу российскую церковь видѣли, подобно второму Ноеву ковчегу, служащею спасеніемъ отъ всякаго языческаго потопа и сохраняющею въ себѣ неистлѣнными сѣмена благочестія. Нынѣ же кто внушилъ вамъ отвращеніе отъ сего блага мира? Для чего такъ жестоко отметаєте отъ себя первое достояніе!... Итакъ, миролюбивѣйшій государь, послѣ-

дуй кротости Давида, восприми ревность по вѣрѣ православной и постарайся со тщаніемъ паки возвести законнаго патріарха вашего на престолъ его, дабы во время твоего священнаго царствія небыло положено злаго и гибельнаго начала смѣнять православныхъ и правомыслящихъ о догматахъ вѣры патріарховъ вашихъ. Сіе есть начало разрушенія церкви въ Константинополѣ; оно послужило и до нынѣ служить источникомъ многихъ золь, и содѣлало насъ посрамленными предъ западною церковію. Опасайтесь и вы, чтобы необычайное у васъ не обратилось въ гибельную привычку. Ежели Никонъ говорить, что онъ не отрекался отъ престола, но отъ непокорныхъ, то ясно, что онъ обличаетъ непокорность народа. Итакъ покажите къ нему достоюнное повиновение, какъ къ строителю благодати: повиновение, говорю, не необыкновенное въ церквахъ Божіихъ, но каковое предписываютъ божественные законы. Отречение же его, которое онъ, какъ говорятъ, сдѣлалъ отъ церкви, можетъ быть принято снисходительнѣе, для соблюденія тишины, тѣмъ болѣе, что онъ киръ Никонъ, какъ мы сказали, отрекся отъ непокорнаго народа, а не отъ престола; но еслибы онъ и письменно отрекся отъ престола, то и сіе извинительно, ибо часто и отречение бываетъ недѣйствительно<sup>1</sup>. Приведя въ доказательство справедливости этой мысли разные примѣры изъ исторіи церкви, Нектарій продолжаетъ убѣждать царя: „изъ всѣхъ обстоятельствъ явствуетъ, что отречение Никона недѣйствительно и состоитъ только въ его словахъ, и должно вамъ, какъ я прежде сказалъ, снова призвать его. Съ симъ вмѣстѣ пишу я и къ нему, братски увѣщевая его, что ему неприлично было оставить столицу и жить внѣ оной. Ежели соизволите, ваше священное величество, то перешлите къ нему помяну-

тое писаніе... Предлагаемъ вашему величеству и то, что если киръ Никонъ, по вторичному приглашенію, не согласится возвратиться на свой престолъ, то извольте поступить по правиламъ положенія, что будетъ совершенно правосудно; ибо неприлично столичному городу быть безъ духовнаго пастыря. Итакъ непременно должно или его возвратить, или другаго возвести на его мѣсто; однакожь лучше вашему величеству возвратить его по вышеприведеннымъ причинамъ“<sup>1</sup>.

Грекъ Савелій Дмитріевъ, привезшій грамоту Нектарія въ Москву, съ своей стороны показывалъ здѣсь, что іерусалимскій патріархъ наказалъ ему говорить Никону: „для чего онъ попрежнему на патріаршій свой престолъ нейдетъ и тѣмъ великаго государя кручинить?... Да то де онъ отъ ерусалимскаго патріарха слышалъ, что опричь Никона патріарха на престолъ иному никому быть немочно, для того, что вины ево никакой нѣтъ“. Съ своей стороны и архидіаконъ Нектарія, потомъ преемникъ его на патріаршей кафедрѣ, Досифей, писалъ Паисію Лигариду, укоряя его за неправыя, соблазнительныя и недостойныя пастыря дѣйствія по дѣлу Никона. „Слава пріиде, пишеть онъ Паисію, нѣкая хульная, рожденіе же воистину діаволе яко вы не право грамоты переводите, но иная полагаете, иная отъ среди изъемлете, иная оставляюще; аще пріидеть туды патріархъ—будеть о томъ истязовати, и въ томъ, совѣтую твоей святыни, буди далече отъ сего, да будеши воленъ отъ сихъ безчестованій, и намъ явишия истины поборникъ и оборонитель, зане нѣсть мала вещь злѣ переводити. Тоже, елико можеши, о належащихъ къ миру церкви стой крѣпко, зане возвестися намъ,

<sup>1</sup> Собр. госуд. грам. и догов. т. IV, № 37, стр. 134.

яко твоя святыня, могій соблазномъ вредити, не глаголеши о мирѣ“<sup>1</sup>.

Такимъ образомъ оказывается, что патріархъ Нектарій хотя и подписалъ извѣстные свитки о власти царской и патріаршей, осуждавшіе Никона, имѣя въ виду показанія іеродіакона Мелетія, но подписалъ ихъ съ большимъ сомнѣніемъ въ справедливости всего, что рассказывалъ о Никонѣ Мелетій. Когда же онъ изъ Константинополя пріѣхалъ въ Молдавію, гдѣ всегда было много грековъ, поддерживавшихъ съ Москвою постоянныя сношенія, то постарался отъ нихъ собрать о дѣлѣ Никона болѣе обстоятельныя свѣдѣнія и узналъ, что серьезныхъ причинъ къ осужденію и низверженію Никона въ дѣйствительности нѣтъ, что все это дѣло раздуть личными врагами Никона съ помощью нѣкоторыхъ крайне неблагонадежныхъ грековъ, вродѣ Паисія Лигарида. Тогда Нектарій и поспѣшилъ послать къ царю приведенную выше грамоту, съ цѣлью убѣдить его примириться съ Никономъ и снова возвратить его на патріаршій престолъ. Грамата къ царю написана была очень сильно, убѣдительно и настойчиво, съ тою сдержанною властностію, какая и подобаетъ верховному архипастырю, ратующему за правое дѣло, имѣющему въ виду только миръ и интересы церкви Христовой, а не получку за сомнительную послугу богатой царской милостыни. Въ томъ же примирительномъ духѣ писалъ было Нектарій и грамоту Никону, но она не была ему передана. Съ своей стороны архидіаконъ Нектарія Досиѳеѣй пытался подѣйствовать въ духѣ примиренія и на главнаго дѣятеля изъ числа враговъ Никона—Паисія Лигарида, въ надеждѣ усовѣститъ этого проженнаго совѣстію челоуѣка и побудить его дѣйство-

<sup>1</sup> Гиббенетъ т. II, стр. 771—773, 779, 893,

вать въ интересахъ правды и мира. Но эти хлопоты Нектарія и его архидіакона не достигли цѣли, — московское правительство уже не могло примириться съ Никономъ, оно добивалось его конечнаго осужденія во чтобы то ни стало, и потому съ крайнимъ неудовольствіемъ встрѣтило примирительную попытку патріарха Нектарія. Патріаршій посолъ Савелій Дмитріевъ былъ задержанъ въ Москвѣ и содержался подъ строгимъ надзоромъ, не имѣя возможности вступить съ Никономъ въ непосредственныя личныя сношенія. Впрочемъ онъ нашелъ возможность переписываться съ Никономъ, и этимъ путемъ сообщать ему нужныя свѣдѣнія и указанія. Такъ, напримѣръ, онъ пишетъ Никону: „владыко мой! Аще позовутъ тя, пріиди на соборъ; пріиди не сотвори инако и обезчестивъ нашъ соборъ, того ради не ино добро. Тако мнѣ есть приказано (разумѣется—отъ патріарха Нектарія) отвѣтъ дати; того ради повѣмъ: надѣюся на Бога, яко неимуть найти никакого порока, во всемъ свидѣтельство твое премудро и благочестиво; и что какой порокъ хотятъ найти? Рекутъ, что оставилъ еси престолъ твой и отшелъ еси, и то нѣсть рѣчь: занеже когда архіерей оставитъ престолъ свой и отъидетъ въ чужое мѣсто, то есть зло, добрѣ знаете и святительство твое. Ты же и сошелъ еси съ Москвы, не пошелъ еси въ чужой миръ, но такоже въ престолѣ своемъ еси, и неимуть учинити о семъ ни единого же слова въ соборѣ. И о томъ молюся пресвятительству твоему: едино о семъ часѣ не объяви, да не речеши, како ти послалъ блаженный (т. е. іерусалимскій патріархъ) грамоту и задержали ее въ верху бояре, и объявится дѣло, что услышалъ еси отъ меня, и мнѣ лихо сотворятъ, Едино примещи, да пріидеши веліимъ смиреніемъ, и буди, яко незнаешь ничего и небоязнень,



занеже неимуть тебѣ учинити ни чтоже“. Савелій Дмитріевъ былъ задержанъ въ Москвѣ до прибытія восточныхъ патріарховъ, которые и выхлопотали ему у царя освобожденіе. По этому поводу самъ царь на соборѣ говорилъ: „сидѣлъ онъ, Савелій, за то, что онъ привезъ отъ еросалимскаго патріарха грамату, и въ той граматѣ писано многое къ ссорѣ“<sup>1</sup>.

Примирительная попытка Нектарія въ дѣлѣ Никона не могла имѣть успѣха не только потому, что она противорѣчила намѣреніямъ и желаніямъ московскаго правительства, но и потому, что и самая грамота Нектарія пришла въ Москву очень поздно, когда дѣло съ Никономъ зашло уже слишкомъ далеко. Грамота Нектарія получена была въ Москвѣ вѣроятно только въ первыхъ числахъ Декабря 1664 года, а къ этому времени наше правительство уже сдѣлало новые важные шаги по дѣлу Никона.

23 Апрѣля 1664 года въ Москву прибылъ извѣстный намъ иконійскій митрополитъ Аѳанасій, который заявилъ въ Посольскомъ приказѣ, что іерусалимскій патріархъ Нектарій находится въ Яссахъ и обѣщалъ пріѣхать къ государю, когда въ заднѣпровскихъ городахъ ратныхъ людей не будетъ, но съ какимъ дѣломъ онъ ѣдитъ, о томъ митрополиту неизвѣстно. Черезъ нѣсколько дней послѣ иконійскаго Аѳанасія въ Москву прибылъ грекъ Исаія Евстафьевъ и заявилъ здѣсь: когда онъ былъ въ Рашковѣ, то пріѣзжалъ изъ Яссъ іерусалимскаго патріарха архидіаконъ къ дочери волошкаго владѣтеля, которая была за Тимоеемъ Хмельницкимъ и сказывалъ, что патріарху за войною проѣхать къ Москвѣ нельзя, и отъ турецкаго султана присланъ ему указъ, чтобы изъ Яссъ никуда ему не ѣхать, и потому

<sup>1</sup> Русскій архивъ 1873 г. № 9, стр. 1626—1640; Гиббенетъ. II, 1054.

патріархъ хотѣлъ ѣхать по монастырямъ въ мутьянскую землю. Но онъ, Исаія, писалъ къ нему съ архидіакономъ, чтобы подождать въ Яссахъ, какъ бы ему можно было пріѣхать къ царскому величеству. Получивъ эти вѣсти, правительство уже распорядилось было, на случай пріѣзда Нектарія, принять его точно также, какъ ранѣе принимали въ Москвѣ патріарха Паисія. Но такъ какъ Нектарій не пріѣзжалъ, то 12 Іюля 1664 года въ Молдавію посланы были два грека, Василій Ивановъ и Кѳндратъ Дмитріевъ, съ грамотою государя, въ которой онъ писалъ патріарху: „въ лѣтѣ предворшемъ 1663-мъ преблаженство твое нашими царскими письмени молихомъ, да въ митрополию градовъ нашеа богохранимыя державы пречестное твое архіерејство возлюбленною особою твоею путь сотворивши, и явившаяся здѣ недоумѣнная разрѣшиши; но по настоящей часъ святѣйшее и вождѣлѣнное намъ твое лицо, еже тощнѣ ожидахомъ, видѣти не улучихомъ, не малое духа стуженіе ощутихомъ“. Теперь же царь узналъ, что Нектарій находится въ Яссахъ и потому онъ проситъ его „во славную державу нашея митрополию самоличнѣ прибыти“.—Между тѣмъ въ Сентябрѣ того же 1664 года изъ Москвы на востокъ отправилось новое посольство, во главѣ котораго стояли іеродіаконъ Мелетій грекъ и называвшій себя въ Москвѣ племянникомъ константинопольскаго патріарха Діонисія грекъ Стефанъ Юрьевъ. Они должны были пригласить въ Москву всѣхъ восточныхъ патріарховъ для суда надъ Никономъ и устроенія русскихъ церковныхъ дѣлъ. Только въ Январѣ 1665 года послы прибыли въ Молдавію, гдѣ находился Нектарій и звать его въ Москву взялся грекъ Стефанъ Юрьевъ, а не Мелетій. Явившись къ Нектарію вмѣстѣ съ подъячимъ Оловен-

никовымъ, Стефанъ говорилъ: „великій государь просить и молить тебя, чтобъ ты изволилъ потрудиться для христіанскаго дѣла—пошелъ въ московское государство“. Нектарій отвѣчалъ: „Ко всѣмъ намъ прежде присланъ былъ отъ великаго государя Мелетій грекъ, и онъ знаетъ, что я затѣмъ и пріѣхалъ въ молдавскую землю, чтобы отсюда идти въ Москву, но за войною мнѣ никакъ нельзя было тогда проѣхать. Съ Мелетіемъ мы послали къ великому государю правила (извѣстные свитки о власти царской и патриаршей), и по нимъ почему до сихъ поръ ничего не сдѣлано?“ Тогда подъячій Оловенниковъ объяснилъ патриарху, какъ Аванасій иконійскій заподозрилъ было подлинность привезенныхъ Мелетіемъ патриаршихъ свитковъ, и хотя потомъ сомнѣнія относительно ихъ уничтожились, однако правительство нерѣшается собирать соборъ и судить Никона безъ вселенскаго патриарха, тѣмъ болѣе, что въ русской церкви теперь происходятъ и другія многія нестроения, для уврачеванія которыхъ необходимо присутствіе въ Москвѣ патриарховъ. Нектарій сначала заявилъ было рѣшительно: „пойду, хотя бы мнѣ и смерть принять, потому что я считаю великаго государя царемъ вселенскимъ, онъ единственный царь христіанскій, единственная наша надежда и похвала“. Но затѣмъ Нектарій сталъ колебаться, а когда получилъ какія-то письма изъ Константинополя, то и окончательно отказался отъ поѣздки въ Москву, такъ какъ-де ему не позволено ѣхать на сѣверъ<sup>1</sup>.

Причины колебаній патриарха Нектарія относительно поѣздки въ Москву понятны: изъ своихъ сношеній съ посланными московскаго правительства и другими гре-

ками, имѣвшими сношенія съ Москвою, онъ убѣдился, съ одной стороны, въ томъ, что московское правительство всячески старается объ осужденіи и низверженіи Никона; съ другой стороны, что достаточныхъ причинъ къ осужденію и низверженію Никона въ дѣйствительности нѣтъ. Въ виду этого Нектарію, еслибы онъ поѣхалъ въ Москву, пришлось бы или стать на сторону пригласившаго его правительства и, согласно его настояніямъ, осудить Никона, или же, слѣдуя самому существу дѣла, своему убѣжденію и личнымъ симпатіямъ, стать сторонникомъ Никона, добиваться его возвращенія на кафедру, и тѣмъ вызвать къ себѣ нерасположеніе московскаго правительства, вражду всѣхъ враговъ Никона и въ результатѣ все-таки вѣроятно ничего не сдѣлать для послѣдняго. А между тѣмъ Нектарій, послѣ посылки имъ грамоты царю отъ 20 Марта 1664 года, настаивавшей на возвращеніи Никона на кафедру, и лично въ Москвѣ могъ конечно дѣйствовать только въ томъ же духѣ—мира и всепрощенія. Въ виду этого Нектарій—опасаясь за полную неудачу въ Москвѣ своихъ примирительныхъ дѣйствій, послѣ нѣкоторыхъ колебаній наконецъ рѣшительно отказался ѣхать въ Москву. На эту его рѣшимость вѣроятно повліяло и то обстоятельство, что онъ доселѣ не получалъ никакого отзыва изъ Москвы на свою примирительную грамоту отъ 20 Февраля, откуда онъ могъ заключить, что она принята была въ Москвѣ неблагопріятно. Этотъ отвѣтъ на его грамоту отъ 20 Февраля былъ написанъ къ нему только въ началѣ 1665 года и вполне подтверждалъ его опасенія, что его примирительныя стремленія по дѣлу Никона въ Москвѣ не были приняты и вызвали въ правительствѣ только неудовольствіе. Въ своей отвѣтной грамотѣ Нектарію государь заявляетъ, что за-

<sup>1</sup> Греч. д. 7172 г. № 14, 15, 18; Гиббенеть. II, 712—721 и слѣд.

боты патриарха о примиреніи его, государя, съ Никомъ дѣло самое желательное, но только „то твоего благословенія теплое прошеніе зѣло поздно послѣ“. Оно пришло уже послѣ полученія подписанныхъ всѣми восточными патриархами свитковъ, которыми Никонъ рѣшительно осуждается, почему справедливѣе было слѣдовать голосу всѣхъ, нежели одного, такъ какъ „большую крѣпость глаголется имѣти всѣхъ разумъ, жребій же одинаго прилагательно въ малѣй цѣнѣ считается“. Указавъ затѣмъ на то, что отреченіе Никона было не словесное только, но и письменное, на которомъ имѣется его руки подписе: „николи дѣла не имѣти до патриаршества“, царь указываетъ на новый самовольный поступокъ Никона: на его неожиданный пріѣздъ въ Московскій Успенскій соборъ съ 17 на 18 Декабря 1664 года, къ которому царь относится съ величайшимъ негодованіемъ. „Еда сіе нѣсть, пишетъ онъ, мучительное навѣтованіе, явное отступство, неправильное насилуваніе чловѣка навѣтующа и непризвана къ вышнему престолу, кромѣ правилъ, силою и нуждею, узаконенія святыхъ отрѣвующаго и попирающаго. Убо сіе новое дѣло превышаетъ всѣ первыя мимошедшія дѣла, отъ него бывшія, се есть: своевольное отреченіе и семилѣтнее отшествіе, мятежи и тайныя ссылки, яже чести ради оставимъ, патриаршеское достоинство почитающе. Сія во умѣ имѣя, блаженнѣйшій, и симъ подобная помышляя, поучаетъ въ свою очередь царь Нектарія, достойный жребій принеси, держа прямо вѣсь, ниже мнѣ, ниже ему нароя, но прямо разсѣкая правды борозду“. Затѣмъ царь выражаетъ желаніе лично видѣть и говорить съ Нектаріемъ, а если это невозможно, то просить прислать вмѣсто себя въ Москву „намѣстника благоискусна и благоразумна“, за что обѣщаетъ ему

„по совершеніи дѣла“, прислать свою милостыню на уплату долговъ св. мѣсть“<sup>1</sup>.

Изъ приведенной грамоты государя и изъ того, что его посоль въ Москву, Савелій Дмитріевъ, задержанъ русскимъ правительствомъ, Нектарій окончательно убѣдился въ полной неудачѣ его примирительныхъ дѣйствій въ дѣлѣ Никона, почему онъ рѣшительно устранился отъ всякаго дальнѣйшаго участія въ этомъ дѣлѣ. Но московское правительство само нуждалось въ Нектаріѣ и потому не разъ обращалось къ нему съ своими просьбами и домогательствами.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ Москвѣ въ дѣлѣ Никона былъ, какъ мы видѣли, газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, заклятый врагъ Никона, всѣми мѣрами добивавшійся его конечнаго осужденія. Отъ преданныхъ ему грековъ, Никону удалось разузнать прошлое Паисія, и онъ написалъ противъ него цѣлую книгу, по словамъ самаго Лигарида, „безчестующу и истоющую великія кривды мерзкія, а вѣщше, яко есмь еретикъ и волхвъ“. Въ дѣйствительности сущность обвиненій Никона противъ Паисія сводилась къ тому, что Паисій какъ воспитанникъ іезуитовъ и латинскій ставленникъ, не можетъ считаться православнымъ, и его нельзя допускать, поэтому, къ участию въ дѣлахъ православной русской церкви; что Паисій не настоящій, а запрещенный архіерей, лишенный сана іерусалимскимъ патриархомъ. Этотъ извѣтъ Никона на Лигарида былъ потомъ подтвержденъ и константинопольскимъ патриархомъ Діонисіемъ, который наказывалъ бывшему у него Чудова монастыря келарю Саввѣ, въ качествѣ посла, доложить государю, что Лигаридъ „лоза не константинопольскаго престола и я (т. е. Діонисій) православнымъ его не

<sup>1</sup> Зап. рус. и слав. археол. общ. т. II, стр. 597—600.

нарицаю, что слышу отъ многихъ, что онъ папезинъ и лукавъ человекъ... А что газскій Паисій Лигаридій рукоположенецъ папинъ и по многихъ лятскихъ костелехъ служилъ за папу литургію... и истинно отвержется и прокленетъ предъ соборомъ всю папезскую ересь и исповѣдуетъ символъ православія, и онъ въ соборъ пріять будетъ". Наше правительство, конечно, никакъ не могло игнорировать обвиненія Лигарида въ латинствѣ самимъ константинопольскимъ патріархомъ, въ виду той важной и дѣятельной роли, какую игралъ Лигаридъ во всемъ дѣлѣ Никона, хотя самъ Паисій и отрицалъ справедливость взводимыхъ на него обвиненій. Когда въ 1667 году въ Константинополь отправился царскій посоль Аванасій Нестеровъ, государь поручилъ ему обратиться за достовѣрными свѣдѣніями о Паисіѣ Лигаридѣ къ самому іерусалимскому патріарху Нектарію, вѣдѣнію котораго подлежалъ Паисій какъ митрополитъ газскій. 29 Іюля 1668 года въ Москвѣ получена была грамота патріарха Нектарія о Паисіѣ Лигаридѣ, въ которой онъ пишетъ государю: „дѣло се есть сказать вамъ про Лигарида, который у васъ ближній во святомъ вашемъ царствіи“, и затѣмъ говорить, что онъ отлученъ и проклятъ еще патріархомъ Паисіемъ, про что здѣсь всѣмъ вѣдомо и о чемъ ему было послано тогда письменное извѣстіе въ волошскую землю, гдѣ тогда находился Лигаридъ. „И буди тебѣ, великому государю вѣдомо, за что его отставилъ (патріархъ Паисій): за то, что въ своемъ словѣ не стоялъ, а письмо его рукою писано, кабала, по которой онъ не уплатилъ и ушелъ въ мутьянскую землю“. Послѣ смерти киръ Паисія, пишетъ Нектарій, бывали мы въ его епархіи (т. е. газской), а онъ ко мнѣ, Про-Лигаридій, небывалъ и со мною не видался, ни грамоты намъ не послалъ, и не

просить отъ насъ прошенія и благословенія, а поѣхавъ онъ изъ волошской земли пришь въ черкаскую землю и тамъ писалъ грамоты ложныя, съ чѣмъ прійти къ тебѣ великому государю; а хто тѣ грамоты ему въ черкасскихъ городѣхъ писалъ, тотъ нынѣ человекъ у насъ, а у него онъ былъ архимандритомъ, имя ево Леонтій“. Пошелъ было Лигаридъ изъ своей епархіи на шесть мѣсяцевъ, а теперь отсутствуетъ уже 14 лѣтъ; пошелъ онъ для того, чтобы найти средства для уплаты долга, который лежитъ на христіанахъ его епархіи, „а онъ имъ ни грамотою, ни словомъ не приказалъ, какъ пошолъ, и когда онъ забылъ свою область, то нынѣ онъ не пастырь ни архіерей, ни епископъ — тому Богъ свидѣтель!“ Христіане его епархіи крайне утѣснены и ему, патріарху, приходится платить по кабалѣ, какую Паисій написалъ своею рукою. Тѣ деньги, которые государь далъ Паисію для уплаты долга епархіальнаго и іерусалимскому патріарху, онъ съ своимъ племянникомъ все отослалъ на свою родину — Хіосъ<sup>1</sup>. „Мы, замѣчаетъ

<sup>1</sup> Нектарій говоритъ совершенно справедливо о томъ, что Лигаридъ получалъ отъ царя крупныя дачи будто бы на уплату долговъ своей епархіи. Немедленно по прибытіи въ Москву Паисій проситъ въ челобитной государя откупить христіанъ его области отъ турокъ, съ которыми де онъ уговорился давать имъ окупу за христіанъ ежегодно по 500 ефимковъ и проситъ вручить ему эту сумму, «что бъ мнѣ, богомольцу твоему, изъ области своей изгнану не быть, и православныхъ христіанъ моей области нечестивые турки не обратили-бъ въ свою турецкую вѣру». (7170 г. № 11). Въ слѣдующемъ году Паисій заявляетъ въ челобитной государю, что онъ пріѣхалъ въ Москву просить милостыни «на уплату съ епархіи моей податей іерусалимскому патріарху Нектарію и туркамъ и себѣ на пропитаніе», но что онъ живетъ, по царскому указу, на Москвѣ уже три года «и нынѣ мнѣ, богомольцу твоему, вѣдомо учинилось, что ерссалимскій патріархъ на меня зѣло гнѣвенъ за то, что я многое время, оставя епархію, живу на Москвѣ, а безъ меня епархіи моей пасти некому; да ему, патріарху, и турку никакіе подати въ епархіи моей не плачены, да живущіе въ епархіи моей заняли на пужные расходы многіе деньги», почему онъ и проситъ государя выдать ему золотомъ 1700 ефимковъ, которые должна его епархія. Ему выдано было «850 золотыхъ червонныхъ одинокихъ» (7172 г. № 1).

патріархъ, хотѣли было отнять, но не отняли для того, чтобъ не слыть намъ сильниками и лихими, и посему то мы все стерпѣли великій государь, чтобы не смутить церковныхъ дѣлъ. Нынѣ, что тутъ онъ пребываетъ, а дѣла его вѣдомы стали. Даемъ подлинную вѣдомость, что онъ отнюдь не митрополитъ, ни архіерей, ни учитель, ни владыка, ни пастырь, потому что онъ только лѣтъ отсталъ и по правиламъ св. отецъ есть онъ подлинно отставленъ и всякаго архіерейскаго чину лишень, только имянуетца Паисѣй. Да и бывшей патріархъ Паисѣй отказаль, и не подобаесть ему быть въ нашей сторонѣ и нигдѣ. И называется онъ съ православными православень; а онъ свидѣтельствуется ото многихъ своей руки грамотъ, которыя здѣсь у насъ есть; а латыни свидѣлствуютъ и называютъ своимъ, и папа римскій емлетъ отъ него на всякой годъ по 200 ефимковъ... А что онъ имѣлъ милостыми для престола св. церкви, то онъ, лютый волкъ, послаль къ племянникамъ своимъ, а не къ церкви, и подобаесть то ему назадъ отдать, или вѣрному человѣку церковному у него взять и отослать. — Все сіе мы писали не для похвалы, но для того, чтобы Богъ на насъ за сіе непрогнѣвался; пишемъ все правду, чтобы наша вѣра не была осуждена и св. отецъ преданіе не нарушено было“. Въ заключеніе грамоты Нектарій пишетъ: „а буде изволите великій государь, о насъ вѣдать, и мы отъ великихъ долговъ бываемъ въ великой печали. Я засталъ на святѣйшемъ престолѣ 14.000 ефимковъ долгу, а отъ великихъ смутъ армянскихъ послать къ твоему свѣтлomu лицу и пріѣхать самъ не смѣлъ. Воспомани, какъ тебѣ Богъ извѣститъ, а намъ гречане, торговые люди, пріѣзжая съ Москвы, про твою царскую милость сказываютъ“. Въ концѣ грамоты находится особая просьба

патріарха къ царю: съ торговыхъ гречанъ впредь пошлинь брать государь бы не велѣлъ<sup>1</sup>.

Приведенная грамота патріарха Нектарія должна была произвести сильное впечатлѣніе на московское правительство и окончательно уничтожить Паисія. Личность его теперь стала ясна: это былъ лишенный сана архіерей, авантюристъ, который явился въ Москву съ подложными грамотами и, выдавая себя здѣсь за дѣйствительнаго газскаго митрополита, выпрашивая у царя милостыню для бѣдствующей своей паствы, дерзко и нагло обманываль царя, какъ относительно своей личности, такъ и употребленія тѣхъ денегъ, которые онъ получаль отъ царя на покрытіе долговъ своей мнимой епархіи. Но и этого мало: являсь въ Москвѣ въ роли строгаго ревнителя православія, уставовъ и положеній православной церкви, которые будто бы дерзко нарушил новаторъ Никонъ, Паисій въ дѣйствительности былъ латынникомъ, — папешникомъ призналъ Паисія открыто и официально его собственный іерусалимскій патріархъ, папешникомъ его призналъ и константинопольскій патріархъ. Казалось, что для Лигарида оставалось только одно мѣсто — Соловки, но этого не случилось. Русское правительство не могло рѣшиться открыто признать, что человѣкъ, отъ котораго исходили все совѣты и указанія по дѣлу Никона, на котораго доселѣ смотрѣли въ Москвѣ какъ на образованнѣйшаго и авторитетнаго представителя православнаго востока, въ мудрость и компетентность котораго все вѣрили, котораго самъ царь слушалъ „какъ пророка Божія“, — что этотъ человѣкъ былъ запрещенный архіерей, обманщикъ и латынникъ, ловко разыгравшій предъ довѣрчивыми русскими роль судьи въ ихъ церковныхъ дѣлахъ, роль ревнителя чуждыхъ

для него интересовъ православія. Съ своей стороны и Паисій, въ виду патріаршихъ на него обличеній, постарался выставить ихъ предъ царемъ дѣломъ, внушеннымъ патріарху многочисленными личными врагами Паисія, нехотѣвшими ему простить его участіе въ дѣлѣ осужденія Никона. Какъ бы то ни было, но только грамота Нектарія повидимому нисколько не повредила Паисію въ мнѣніи и расположеніи царя, и даже принесла ему несомнѣнную пользу. Алексѣй Михайловичъ, естественно видѣвшій въ осужденіи Паисія какъ бы осужденіе всего, что было сдѣлано по совѣтамъ и указаніямъ Паисія въ дѣлѣ Никона, рѣшился хлопотать предъ іерусалимскимъ патріархомъ о возстановленіи Паисія въ его прежнемъ достоинствѣ газскаго митрополита, тѣмъ болѣе что и другія обстоятельства требовали тогда отъ московскаго правительства особыхъ сношеній съ патріархами константинопольскимъ и іерусалимскимъ, при которыхъ удобно было попутно устроить и дѣло о Паисіѣ Лигаридѣ.

Патріархи константинопольскій и іерусалимскій рѣшительно отказались и сами ѣхать въ Москву и послать туда своихъ экзарховъ для суда надъ Никономъ, не сочувствуя этому, по ихъ мнѣнію, несправедливому и во всѣхъ отношеніяхъ печальному для церкви явленію. Иначе поступили патріархи александрійскій Паисій и антиохійскій Макарій. Въ чаяніи полученія богатой милостыни отъ русскаго правительства для своихъ бѣдствующихъ каедръ они лично отправились въ Москву, куда и прибыли въ концѣ 1666 года, такъ что въ Москвѣ могъ наконецъ состояться окончательный судъ надъ Никономъ при личномъ участіи двухъ восточныхъ патріарховъ, чего такъ давно и съ такими усиліями добивалось наше правительство, тѣмъ болѣе что пріѣхавшіе

въ Москву патріархи заявили, что они явились сюда будто бы съ согласія патріарховъ константинопольскаго и іерусалимскаго, почему они судили и окончательно осудили Никона отъ лица всѣхъ четырехъ восточныхъ патріарховъ. Но въ дѣйствительности патріархи Паисій и Макарій вовсе не имѣли согласія, а тѣмъ болѣе какихъ либо полномочій на поѣздку въ Москву для суда надъ Никономъ отъ патріарховъ константинопольскаго и іерусалимскаго, какъ это хорошо видно изъ ихъ собственныхъ писемъ изъ Москвы къ Нектарію и Пароенію константинопольскому, имѣвшихъ въ виду оправдать ихъ поѣздку въ Москву и образъ дѣйствій здѣсь. Въ письмѣ къ Нектарію Паисій и Макарій говорятъ, что они отправились въ Москву только послѣ того, какъ „узрѣвше писаньице твое, извѣщающее, яко твое блаженство имѣ умышленіе въ сіа страны путешествовати. Пачеже грамотоносець устнѣ извѣща намъ, яко вселенскій патріархъ хотяше послати своего экзарха“. Въ виду именно такихъ вѣстей, т. е. что Нектарій самъ ѣдетъ въ Москву, а константинопольскій посылаетъ туда своего экзарха, они и рѣшились отправиться въ путь, чтобы такимъ образомъ въ Москвѣ были всѣ четыре патріарха. Извѣщаютъ Нектарія, что они послѣ соборныхъ допросовъ нашли Никона виновнымъ во многихъ преступленіяхъ, „ихъ же не подобаетъ предавати писанію, занеже епистолия не имѣетъ въ себѣ что либо тайно“. Но не смотря на такую оговорку, они всетаки считаютъ нужнымъ указать Нектарію на одну вину Никона: „въ такое напыщеніе, пишутъ они, приде гордостный Никонъ, якоже самъ ся хиротониса патріархомъ новаго Іерусалима, — монастырь бо, егоже созда, нарече новымъ Іерусалимомъ со всѣми окрестъ лежащими: именуя святыи Гробъ, Голгофу, Виолиемъ, Назаретъ, Іорданъ“. Пишутъ,

что они оказали услугу Нектарію, освободивъ отъ заключенія его посланца Савелія. Подобнаго же рода письмо отправлено было и къ константинопольскому патріарху. Очевидно, что побужденіемъ къ написанію этихъ писемъ Паисіемъ и Макаріемъ служило опасеніе, что ихъ поѣздка въ Москву, безъ согласія и одобренія патріарховъ константинопольскаго и іерусалимскаго, что осужденіе ими Никона, этого друга и покровителя грековъ, вызоветъ на востокъ сильное неудовольствіе и порицаніе и можетъ причинить имъ, по возвращеніи на востокъ, много неприятностей. Это опасеніе было тѣмъ болѣе основательно, что іерусалимскій патріархъ, какъ имъ хорошо было извѣстно, открыто стоялъ на сторонѣ Никона, желая его возстановленія на патріаршей кафедрѣ, а константинопольскій патріархъ Парѣній свое отношеніе къ дѣлу Никона очень ясно и опредѣленно выразилъ въ томъ своемъ дѣйствіи, что лишилъ Паисія и Макарія ихъ патріаршихъ кафедръ за то, что они поѣхали въ Москву, чтобы судить и, конечно, осудить Никона, такъ что нашему правительству пришлось потомъ хлопотать предъ высокою Портою о возстановленіи патріарховъ Паисія и Макарія на ихъ кафедрахъ.

Въ виду указанныхъ обстоятельствъ и московское правительство, съ своей стороны, было озабочено тѣмъ, чтобы патріархи Паисій и Макарій, по своемъ возвращеніи на востокъ, были приняты тамъ своими собратьями, патріархами константинопольскимъ и іерусалимскимъ, вполне дружественно, а также чтобы ими приняты и утверждены были дѣянія большаго московскаго собора относительно низложенія Никона и другихъ статей. Съ этой цѣлю государь отправилъ къ патріархамъ константинопольскому и іерусалимскому, съ грекомъ іеродіа-

кономъ Мелетіемъ, свою грамоту, писанную отъ 13 Іюля 1669 года, въ которой онъ въ тоже время проситъ патріарховъ и о разрѣшеніи Паисія Лигарида. Въ грамотѣ къ патріарху Нектарію (такая же грамота слово въ слово была послана и патріарху константинопольскому) царь проситъ его принять съ честію и веселіемъ патріарховъ Паисія и Макарія — „какую честь учините имъ, и то учините нашему царскому величеству“. Относительно дѣяній большаго московскаго собора проситъ Нектарія: „еще просимъ и о здѣшнемъ соборномъ, что уложено и совершено, всемъ желаемъ явлено быти и улажити улаженъ въ великой Христовой церкви“, на память и наученіе будущимъ поколѣніямъ. Относительно „патріарха Никонова изверженія, соборнѣ просимъ подписати, яко по правдѣ, по правиломъ законнымъ, по освященнымъ уложеніемъ и соборныхъ правилъ и патріаршихъ томось (т. е. извѣстныхъ патріаршихъ свитковъ о власти царской и патріаршей) познанъ бысть и осуженъ преже и потомъ всемъ соборомъ“. Въ доказательство полнаго согласія „догматовъ и ученія русскія церкви съ восточныя церкви, питательныя матери нашей“, говоритъ грамота „хочемъ имѣти совѣтъ соборнымъ вашимъ письмомъ чрезъ нашего священнаго діакона Мелетія“. Къ этому царь прибавляетъ: „мы же паки милость и жалованья матери нашей восточной и питательной великой церкви не будемъ въ забвеньи никогда, токмо и побольшіе призирати будемъ“. Въ заключеніе грамоты государь, прося молитвъ и благословенія патріарха, ходатайствуетъ предъ нимъ за Паисія Лигарида. „Возвѣщаемъ, пишетъ царь, о митрополитѣ гаскомъ Паисѣя, котораго имѣемъ въ царскомъ нашемъ дворѣ яко велія учителя и переводчика нашего, чтобы имѣлъ первую честь и славу такоже и по прежнему, понеже

нѣкіе злорадочки отъ зависти своей зазлословили ко святительству вашему и въ безцестіи извергнули и оставили его, и о томъ зѣло—зѣло опечаловалися мы, вѣдучи незлобія его и благодатства его, яко много труждался и постился въ странѣ нашей на соборѣ и о смиреніи (исправленіи) Христовой церкви труждался словомъ и дѣломъ вельми, ежебы пріяти честь, но получилъ безцестье и срамоту. И сего ради просимъ и молимъ отписать, чтобъ ему пріяти прежнюю его честь, яко намъ вѣдомо житіе его и пребываніе его и свидѣтельствуемъ архіереемъ добрымъ и честное житіе раба, а которые иноки его оглашали и предали, не дружка сказали, очи бо ушей вѣрнѣе. Тако молимъ просимъ, да обрящемъ прошеніе наше, вѣдучи, яко сколько не учинилося, и то учинилося съ зависти и по недружбѣ чловѣка“.

Московскій патріархъ Іоасафъ, съ своей стороны, тоже писалъ патріарху Нектарію грамоту отъ 4 Іюня 1669 года, въ которой ходатайствовалъ предъ нимъ о прощеніи и разрѣшеніи Паисія Лигарида. Еще съ посломъ Нестеровымъ патріархъ Іоасафъ извѣщаль Нектарія о своемъ вступленіи на патріаршую московскую кафедру, причемъ послалъ ему 100 золотыхъ, сорокъ соборей и 10 аршинъ бархату. Съ своей стороны Нектарій тогдаже отвѣтилъ Іоасафу присылкою особой грамоты, которая, впрочемъ, недошла до насъ. Теперь Іоасафъ прежде всего благодаритъ Нектарія за присылку ему грамоты. „Велимъ о Христѣ Господѣ сердце наше разширися веселіемъ и умъ неизреченною исполнися радостію, егда приѣмше отвѣтное вашего преблаженства на мѣрности нашея посланіе писаніе, обрѣтохъ въ немъ истинную, якоже подобаетъ ученикомъ Христовымъ имѣти, любовь... Азъ благодарей сый всячески обѣщанія вашего, еже сотвори блаженство ваше, о мо-

литвахъ святыхъ мѣрности нашей, о блаженной жизни нашей временнѣй же и вѣчнѣй... Увѣщаніе ваше братолюбное о мирномъ строеніи церкви и о добромъ пасеніи словеснаго стада Христова, любезно цѣлуя твердымъ незабвенія ваяломъ изваахъ на скрижалѣхъ сердца моего... На пресланіи архипастырскаго ти благословенія всему стаду Христову, жезломъ правимому мѣрности нашея, духовнымъ же и мірскимъ, велимъ же и малымъ, немалое но великое, якоже достоитъ великаго Бога великому архіерею, именемъ всѣхъ пресылаемъ поклоненіе, съ лобзаніемъ десницы та благословящія“. Послѣ этаго вступленія патріархъ переходитъ къ самому дѣлу, по поводу котораго онъ собственно обращается къ Нектарію съ грамотою. „О всѣхъ писанныхъ къ намъ вами, заявляетъ онъ, радуемся, точію едина печаль, аки даждь вовремя жатвы, ушербляетъ ведро веселія нашего: еже есть о запрещеніи и отлученіи отъ всякаго священнодѣйствія Паисія Лигарида<sup>1</sup>. О семъ какъ и гдѣ прежде живяше, нѣсть намъ извѣстіе совершенно, но отнелѣже пришедша его въ царствующій и богоспааемый градъ Москву, познахомъ за девять лѣтъ и ничесоже видѣхомъ по немъ неистово и безчинно,—пачеже премногіе его труды премудріи многую пользу церкви великороссійстей принесоша, ихъ же мы благодарни суще, надежно молимъ братолюбіе ваше, да не презриши прошенія мѣрности нашей, даруеши ему оставленіе вины его, кая либо есть предъ святостію вашею, и благоволиши прислати ему писаніемъ своимъ архипастырскимъ прошеніе и благословеніе, занеже

<sup>1</sup> Соблазнъ отъ запрещенія Паисія Лигарида усиливался еще тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ, не смотря на свое запрещеніе, позволялъ себѣ въ Москвѣ участвовать въ качествѣ архіерея, въ церковныхъ священнодѣйствіяхъ. Такъ въ 1667 году онъ участвовалъ въ отпѣваніи архіепископа тобольскаго Игнатія.



всяческое являетъ по себе смиреніе и благопокорство къ твоему преблаженству, яко законному архипастырю своему, и молилъ есть со многократнымъ стужаніемъ благочестивѣйшаго самодержца о отпущеніи къ святительству твоему ради взысканія прощенія, яко же устнѣ предостовѣрный свидѣтель, святѣйшій и всеблаженнѣйшій Паисій патріархъ великаго града Александрии и судія вселенскій, о всѣхъ можетъ извѣстити. Но благочестивѣйшій, тишайшій, самодержавнѣйшій великій государь царь и великій князь Алексій Михайловичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, благоволилъ его удержати благословныхъ ради винъ, сирѣчь, совершенія ради зачатаго толкованія нужнѣйшихъ нѣкихъ тайнописаній и общалъ ему къ вашему святительству ходатай быти о прощеніи. Тѣмъ же азъ молю твое преблаженство, поминающе Христово слово: будите милосерды якоже и Отецъ вашъ милосердъ есть, и ону молитву повсядневную: и остави намъ долги наша, яко и мы оставляемъ должникомъ нашимъ,—сотвори съ нимъ, всячески смиренно твоему жезлу архипастырскому преклоняющимся, отеческое милосердіе и остави долгъ его, дарующе прощеніе и благословеніе; будетъ отцу небесному благопріятно, царю благочестивѣйшему радостно, и всей церкви россійстей душеполезно. О семъ прилежное наше многократно усугубляюще прошеніе, да исполнену и совершенну нашу радость соверши, имамы забывать преблаженства вашего у престола царя небеснаго о милости, у земнаго же о милостыни, пособствія ради“<sup>1</sup>.

Эти грамоты государя и патріарха о Паисіѣ Лигарида

<sup>1</sup> Подлинное дѣло о судѣ надъ патр. Никономъ, рукопись библ. моск. духовн. Академіи, л. л. 270 об.—272; Греч. дѣла 7177 г. № 27; Рукоп. сборникъ моск. синод. библ. № 130 л. л. 39—41.

ридѣ были получены уже не Нектаріемъ, отказавшимся отъ патріаршества, а его преемникомъ Досифеемъ, вступившимъ на патріаршую Іерусалимскую кафедру 23 Января 1669 года.

Патріархъ Нектарій, въ своихъ сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ, занимаетъ особое положеніе, сравнительно съ своими предшественниками. Если послѣдніе употребляли всѣ усилія заручиться особымъ расположеніемъ русскаго правительства, чтобы извлечь отсюда елико возможно большія выгоды для бѣдствующей Іерусалимской патріаршей кафедры, то патріархъ Нектарій не только не употреблялъ къ тому ни малѣйшихъ усилій, но даже ни разу не обратился къ русскому правительству съ спеціальною просьбою о милостынѣ на искупленіе долговъ Св. Гроба, которые однако при немъ не уменьшались, а возрастали, такъ что нужда въ помощи и нужда настоящая у него была. Это обстоятельство заслуживаетъ тѣмъ болѣе вниманія, что Нектарій имѣлъ полную возможность пріобрѣсти особое расположеніе московскаго правительства и получить отъ него исключительно богатую милостыню—стоило только ему поѣхать въ Москву, куда его такъ усиленно не разъ приглашали, и тамъ принять участіе въ дѣлѣ Никона, конечно въ томъ духѣ и направленіи, какъ это было желательно для московскаго правительства и какъ дѣйствовали въ Москвѣ патріархи Паисій и Маркарій,—тогда исключительно богатая милостыня отъ московскаго правительства ему была бы обеспечена. Но патріархъ Нектарій предпочелъ неѣхать въ Москву, и выступить защитникомъ Никона, смѣлымъ ходатаемъ предъ царемъ за возвращеніе Никона на патріаршую кафедру, рѣшительнымъ и безошаднымъ изобличителемъ Паисія Лигарида, которымъ такъ сильно дорожило мо-

сковское правительство. При такихъ отношеніяхъ Нектарія къ дѣлу Никона ему конечно уже неудобно было обращаться къ московскому правительству съ специальными просьбами о помощи и милостынѣ. Только разъ, и то очень осторожно, Нектарій дозволилъ себѣ, въ одной изъ своихъ грамотъ царю, написанной по особому дѣлу, сдѣлать въ концѣ такую приписку: „а буде изволите, великій государь, о насъ вѣдать, и мы отъ великихъ долговъ бываемъ въ великой печали. Я засталъ на святѣйшемъ престолѣ 14,000 ефимкомъ долгу, а отъ великихъ смуть армянскихъ послать къ твоему свѣтлому лицу и пріѣхать самъ не смѣлъ. Воспомани, какъ тебѣ Богъ извѣститъ“.. и только.

И въ другомъ отношеніи Нектарій, въ своихъ сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ, тоже занимаетъ особое положеніе, сравнительно съ своими предшественниками. Патріархъ Теофанъ, ради пріобрѣтенія расположения и милостыни отъ московскаго правительства, сдѣлался тайнымъ русскимъ политическимъ агентомъ въ Турціи и посылалъ въ Москву или отписки съ политическими вѣстями или наказывалъ передавать ихъ устно въ Москвѣ своимъ довѣреннымъ посыльнымъ людямъ. Что же касается патріарха Паисія, то онъ былъ самымъ завзятымъ добровольцемъ политиканомъ, снискившимъ и съ Москвою, и съ Хмельницкимъ, и съ Молдо-Влахійскими воеводами, причемъ Москва, по его представленію, должна была сдѣлаться главою и руководительницею движенія всѣхъ православныхъ народностей съ цѣлю ниспроверженія турецкаго господства. И патріарха Нектарія московское правительство приглашало служить ему „въ государевыхъ дѣлахъ“. Такъ въ 1667 году съ посломъ въ Турціи Аѳанасіемъ Нестеровымъ государь писалъ Нектарію: „да мы же, великій

государь, наше царское величество, приказали посломъ нашимъ, будучи въ Царѣ-городѣ, приходитъ къ вашему святительству къ благословенію, и о нашихъ государевыхъ дѣлахъ, о чемъ доведетца, вамъ докладывать; и вашему-бъ святительству о тѣхъ нашихъ царскаго величества дѣлахъ poradѣти и мысль своя посломъ нашимъ подавати, а мы великій государь, наше царское величество, и впредь ваше святительство въ забвеніе полагати не будемъ“<sup>1</sup>. Но ни откуда не видно однако, чтобы патріархъ Нектарій когда либо сообщалъ московскому правительству вѣсти „о турецкимъ поведеніяхъ“ въ отпискахъ-ли, или въ устныхъ наказахъ съ своими посыльными; невидать и того, чтобы онъ радѣлъ о государевыхъ дѣлахъ предъ нашими послами въ Турціи и покакому либо случаю подавалъ имъ свою мысль, какъ того желалъ государь. Очевидно занятіе политикой патріархъ Нектарій не считалъ своимъ дѣломъ и потому рѣшительно устранился отъ всякаго участія въ такъ называемыхъ „государевымъ дѣлахъ“, поскольку они не соприкасались прямо съ дѣлами церковными.

<sup>1</sup> Турецкіе статейные списки № 9, л. л. 23--25.